

И.П. Смирнов

ЭДИП ФРЕЙДА И ЭДИП РЕАЛИСТОВ

"Qu' est-ce que la propriété? [...] C'est la vol"
P.-J. Proudhon

1. Психоанализ в Эдиповой ловушке

1.1. Мысль Фрейда о том, что младший член семьи в возрасте от трех до пяти лет обязательно восстает против одного из своих родителей, будь тот того же пола, что сам ребенок ("позитивная" эдипальность), или противоположного ("негативная" эдипальность)¹, еще не получила должного признания в качестве такой - редчайшей по парадоксальности (парадоксальной а fortiori) - идеи, которая не допускает строгого, выбирающего между "да" и "нет", теоретического обсуждения.

Понятие Эдипова комплекса, повидимому, самое авторитарное среди категорий гуманитарного толка, выработанных в XX в. Примись мы отрицать эдипальность, мы только подтвердим ее наличие нашим научным бунтом против родоначальника психоанализа. И наоборот: согласившись с Фрейдом в том, что Эдипов комплекс представляет собой универсалию человеческой психики, мы на собственном примере опровергнем этот тезис, коль скоро откажемся от участия в борьбе с авторитетом. Любые однозначные высказывания об Эдиповом комплексе, кроме утверждений самого Фрейда, оказываются, таким образом, ложными (и в дальнейшем не будут нас занимать).

Понятием, табуизирующим на будущее не только негативное, но даже и позитивное к себе отношение, мешающим себя использовать, было естественно оперировать для того, чтобы объяснить происхождение запрета как такового, а значит, и самой - эйджудейшей на ограничениях - культуры. История человечества начинается, по Фрейду ("Totem und Tabu", 1913), с запрета, которому подвергается бессознательное желание сыновей умертвить отца.

1.2.0. Не в силах ни лишь отрицательно, ни лишь утвердительно ответить на вызов Фрейда без впадения в противоречие, психоаналитический дискурс, включая сюда ориентирующиеся на него философию и со-

циологию, отыскал два компромиссных выхода из тех затруднений, которые чинила его развитию идея Эдипова комплекса. (Речь идет о том, в каком виде мы застаем психоаналитическую литературу, а не о том, как она видится ее авторам, т.е. о бессознательной, боящейся стать жертвой аргументов *ad personam*, обходной логике исследований, моделирующих логику бессознательного).

Одна из этих компромиссных стратегий заключена в том, чтобы лишить Фрейда авторской ответственности за постановку Эдиповой проблемы. Фрейдиизм концептуализуется как отображение неких, за ним стоящих, объективных обстоятельств. Раз так, то возражения в адрес Фрейда вовсе не знаменуют собой того, что его оппонент эдипален. Поскольку у Фрейда отнимаются, так сказать, родительские права касательно Эдипова комплекса, постольку полемика по поводу этой теории не носит характера детского восстания против старших.

Вторая стратегия нацеливается на то, чтобы заново объяснить Эдипов комплекс вне постулированного Фрейдом бунта ребенка против родителей. Исследователям, которые следуют за Фрейдом с такого рода ревизионистским намерением, можно не опасаться обвинений в том, что они подрывают своей (пусть частичной) солидарностью с учителем его Эдипову доктрину.

Проиллюстрируем (на минимуме материала) оба названных направления в психоанализе.

1.2.1. Первый подход к наследию Фрейда нашел себе наиболее отчетливое воплощение в "Анти-Эдипе" Ж.Делеза и Ф.Гатари. Дискредитируя фрейдиизм, они усматривают в нем соответствие капиталистическому общественному порядку. Социальная работа по подавлению желаний субъекта сосредоточивается капитализмом в кругу семьи. Сообразно этому, желание конституируется в качестве силы, разрушающей семью: ему приписывается инцестуозное содержание². Не психоанализ изобрел эдипальность, - утверждают Ж.Делез и Ф.Гатари. Он лишь запротоколировал произведенную капитализмом "эдипализацию" субъекта³.

Чтобы защититься от социологических нападок Ж.Делеза и Ф.Гатари, фрейдиизм постарался раскрыть психическую обусловленность, субъективизм их научной позиции. В послесловии к немецкому переводу сборника статей об "Анти-Эдипе" ("Les chemins de l'Anti-Edipe", Toulouse 1974) К.Нейбур говорит о "гомосексуальной навязчивой идее самозачатия" ("Selbsterzeugungswahn"), сквозящей у Ж.Делеза и Ф.Гатари⁴, и тем самым намеревается установить, откуда могло бы проистекать нигилистическое отношение этих авторов к эдипальной "семейной драме". Но не свойственно ли стремление к автопорождению самому

Эдипу? Убивая отца и проникая в материнское лоно, он занимает место того, кто его зачал. Нельзя родить себя в своей семье, помимо инцеста. Между тем для Ж.Делеза и Ф.Гатари инцест не что иное как продукт искаженного (капитализмом) воображения.

Социологическая полемика с Фрейдом началась, впрочем, задолго до появления труда Ж.Делеза и Ф.Гатари⁵. Так, согласно Э.Фромму, театральная трилогия Софокла об Эдипе запечатлевает восстание сына против патриархального общественного устройства (сексуальная связь сына с матерью здесь "вторичный элемент")⁶. Толкование Э.Фроммом Софокла подразумевает, что Фрейд придал одному из этапов культурно-исторического процесса (упадку патриархального социума) трансисторическое, всечеловеческое значение.

Наличие широкого разброса мнений при поисках объективных факторов, позволивших Фрейду сформулировать его теорию, убеждает в том, что в данном случае метод спора с "эдипализованным" психоанализом важнее для полемистов, не желающих демонстрировать собой релевантность Эдипова комплекса, чем сами эти факторы в их конкретности (ими могут быть и капитализм, и выход общества из патриархального состояния).

1.2.2. Небунтующий или, по меньшей мере, обращающий разрушительность на агрессора Эдип принимает в психоаналитической литературе самые различные образы.

У М.Кляйн эдипальность предстает в виде реакции ребенка на отлучение от материнской груди. Пытаясь садистски вновь получить в свое распоряжение мать, ребенок идентифицирует себя с тем, кто владеет ею, - с отцом (при этом мальчикам хочется вытеснить отцовский пенис из материнского лона, а девочкам - интроецировать мужской половой орган). Вразрез с Фрейдом М.Кляйн приурочивает начало Эдипова комплекса и вызываемых им фантазий к очень ранней, орально-садистской, фазе в эволюции ребенка⁷. С точки зрения М.Кляйн радикальное изменение привносит в семейную ситуацию мать, становящаяся для грудного младенца угрожающим объектом. Революция в семье, скажем мы, совершается сверху. Если ребенок и революционер, то на консервативный лад (он требует назад свое). И отсюда: если психоаналитики и сохраняют верность понятию Эдипова комплекса, то их консерватизм вовсе не означает, что они лишены эдипальности.

Ребенка, откликающегося у М.Кляйн на материнскую агрессию, сменяет у Ж.Девро Эдип, защищающийся от Лаия. Эдипов комплекс, в общем и целом, стимулируется репрессиями, которым подвергают детей родители⁸.

Конфликт младших и старших может совсем выводиться за скобки Эдипова комплекса. Э.Эриксон называет эдипальный возраст "игровой стадией". Эдипальные фантазии порождаются ребенком, который по ходу игры присваивает себе чужие роли (в первую очередь, роли ближайших к нему отца и матери)⁹.

Бесконфликтна (в указанном смысле) и теория Эдипова комплекса, построенная Ж.Лаканом. В сильном упрощении она сводится к следующему. Психике ребенка не известны мужское и женское начала; половая принадлежность определяется им в отношении к Другому, при распознавании несамодостаточности, т.е. пола, Другого; ребенок научается у родителей исполнению одной из их ролей, что и составляет "собственное" содержание Эдипова комплекса¹⁰. Сущность эдипальности, в освещении Ж.Лакана, не в том, что ее носитель хочет вытеснить конкурента с места, которое тот занимает, а в том, что ребенок не способен найти себя без Другого.

Б.Грюнберже считает, что эдипальность дана индивидам в потенции; на практике же ребенок избегает соревнования с родителями, дистанцируется от них, дабы удовлетворять требованиям своего нарцисстического "я". Эдипов комплекс превращается из возможности в реальность детского поведения лишь при нарушении психического здоровья (например, в случае дебильности субъекта)¹¹.

1.3.0. Не приходится говорить о гносеологических преимуществах перед другими какого-то из вышеизложенных ответов на задачу, которую Фрейд поставил перед своими наследниками, сформулировав концепцию Эдипова комплекса. Все решения этой задачи - мышление в себе и для себя; они выросли из сугубой умственной игры с парадоксом; они были найдены психоанализом в результате того, что он был вынужден строить непарадоксальное высказывание об эдипальности одним из двух предзаданных ему (и им не осознаваемых) способов, и поэтому не могут быть рассмотрены как сколько-нибудь адекватные действительному положению дел в области человеческой психики.

Но можно ли тогда вести хоть какую-либо речь об Эдиповом комплексе?

1.3.1. Какую логическую процедуру подразумевал Фрейд, описывая Эдипов треугольник? Ясно, что базисом эдипальности служит транзитивная операция. Ребенок (x) соотносен (R) как с отцом (y), так и с матерью (z), откуда родители оказываются - в детском восприятии - сопряженными между собой тем же отношением R : если xRy и xRz , то yRz . Ребенок не способен отличать свою связь со старшими в семье от связи,

соединяющей старших друг с другом. Он аналогичен родителям. Если бы не он (не *tertium comparationis*), не было бы и родительского союза. Ребенок в качестве зсена, связующего отца и мать, ощущает себя,- должен был бы заключить Фрейд,- главенствующей фигурой в семье. Он покушается на место одного из родителей, т.е. революционизирует устройство семьи, с тем, чтобы воплотить в жизнь свое (недооцененное взрослыми) главенство. Ребенку безразличен пол замещаемого им родителя, т.к. субституции подвергается - в схватке за власть - тот старший член семьи, который в ней доминирует (будь он отцом или матерью). Ребенок играет и до вступления в эдипальный возраст, возразим мы Э.Эриксону. Игрой нельзя объяснить эдипальность. Напротив того: эдипальность объясняет тот факт, почему детская игра в какой-то момент своей эволюции нацеливается на захват родительских позиций.

Просвечивая логику, которую имеет в виду представление об Эдиповом комплексе, мы начинаем там же, где и Фрейд. Мы размышляем изнутри его теории, а не за ее границей; приходим к выводам, которые он был обязан сделать, если бы обратил внимание на логическую предпосылку того, что он открыл. Нам не приходится принимать или не принимать модель Фрейда - мы сами выносим ее на суд в том виде, в каком ей надлежало бы появиться, будь она последовательно, до своего основания продуманной, и выбираемся, таким образом, из тупика, в который попал психоанализ, занимающийся эдипальностью.

Транзитивность - пустая форма, которая может наполняться широко варьирующимся содержанием. Конечно, чаще всего Эдипов комплекс развивается в рамках семьи. Но она не выступает в качестве непременно-го условия для возникновения эдипальности, как это казалось Фрейду, обобщавшему свои наблюдения вместо того, чтобы наблюдать за тем, как человек конкретизирует имманентную ему способность к порождению абстракций. Фрейд не абсолютизировал какую-то отдельную часть человеческой истории (капиталистическую, антипатриархальную). Он абсолютизировал себя в роли абсолютизирующего. Эдипальность не зависит не только от типа семейной конфигурации, в которую включен ребенок, но и от семьи как таковой. Ребенок волен примерять транзитивное умозаключение к любой паре существ, с которыми его связывают равные, по его мнению, отношения. Он может реализовать свой Эдипов комплекс, допустим, применительно к друзьям, ревнуя одного из них к другому, или к воспитателям в детском учреждении и т.д. Тема "Царя Эдипа" состоит в том, что отцеубийство и инцест обнаруживаются там, где герой менее всего ожидал совершить их. Софокл установил эквивалентность между внесемейной и семейной разновидностями эдипального поведения. Фрейд не заметил этого.

1.3.2. Нам необходимо выяснить теперь, как ребенок достигает той стадии, на которой им овладевает транзитивный взгляд на вещи, чем обуславливается формирование такого мировидения.

Если согласиться с тем, что эдипальность не обязательно семейна, то она будет выражать собой потребность ребенка вочеловечиться. Эдип, разгадавший загадку Сфинги, знает, что есть человек. Ребенок, аналогичный не одним лишь родителям и, вообще, не какой-либо одной паре индивидов, располагает возможностью провести аналогию между аналогиями и, значит, открыть в себе общечеловеческую натуру, свою принадлежность к людскому миру¹². Эдипальность - момент отчуждения ребенка от семьи, если таковая наличествует (герой Софокла не случайно воспитывается у чужих). Эдипальный ребенок включает родовое в антропологическое. Родители не даны ему как Другие (в этом - ошибка Ж.Лакана). Они превращаются в Других по мере того, как ребенок распространяет аналогию на аналогии. Иное, проступающее в отце и матери, делает их сходными со всяким человеком. Перераспределение главенства в семье, желаемое ребенком, принесло бы власть тому, благодаря кому общечеловеческое имеет место быть.

Итак, эдипальность - выход из рода, т.е. из биологического существования. Она знаменует собой второе рождение ребенка, заново появляющегося на свет в роли человека. Этим обуславливается инфантильная инцестуозность в том случае, когда Эдипов комплекс имеет семейный характер. *Selfmademan* и *selfmadewoman* с необходимостью смешивают порождающего с порожденным. Эдипальный ребенок старается заполучить в свое владение того, кто дал ему жизнь (неважно: отца ли, мать ли). Вряд ли стоит настаивать на том, что у девочек наличествует особая версия Эдипова комплекса (так называемый комплекс Электры). Попадая в эдипальную фазу психической эволюции, ребенок творит себя как человека, а не как мужчину или женщину. Вне семейного треугольника созидаящий себя ребенок реализует свою автохтонность¹³, играя со своими гениталиями. Табу, налагаемое на мастурбирование, мало чем отличается от запрета инцеста. Мастурбирование - акт самотворения, как и инцест, производства производящей энергии, продуцирования продуцирующего субъекта. Разумеется, ребенок мастурбирует и пребывая в семье, коль скоро она сопротивляется осуществлению его инцестуозных желаний. Эдипальный ребенок дистанцируется от родителей (ср. соображения Б. Грюнберже об Эдиповом комплексе) и замыкается на себе лишь постольку, поскольку старшие не принимают детское бунтарство. Дети изменяют их эдипальные жесты, становясь жертвами родительских репрессий. Эдипальность, однако, учреждается не старшими, как бы ни мыслил ее Ж.Девро, а младшим - тем, кто еще не был человеком

как таковым. Автогенеративность эдипального ребенка прямо противоположна педерастии - бесплодному сексуальному насилию над детьми: Лаий обрекается на смерть от руки сына за то, что он был педерастом.

"Инфантильная сексуальность" была непомерно преувеличена Фрейдом, как справедливо полагают многие его критики.

Der Trieb, подчиняющий нас себе, влечет нас к преодолению нашей отприродности и не есть ни Todestrieb, ни Sexualtrieb, но Kulturtrieb. На каждой из фаз психического становления ребенок прощается с той или иной формой отприродной необходимости. Так, например, ребенок, садистически реагирующий на завершение симбиоза, отказывается быть самостоятельным существом и тем самым вступает в борьбу с биологической предопределенностью, которая требует от нас того, чтобы мы сами поддерживали нашу жизнь. Садизм глубоко человечен, как бы парадоксально ни звучала эта фраза. Инфантильная боязнь животных свидетельствует о чувстве вины, которое испытывает перед ними тот, кто уничтожает в себе анималистические начала.

Диалектичность психического созревания - в том, что ребенок может очеловечивать отприродное только за счет ресурсов своего тела, т.е. за счет отприродного же. Человек побеждает природу в себе самом, внутри природы. Для реализации, скажем, садистских фантазий ребенок использует оральную и анальную зоны. Поведение ребенка симптоматично, потому что он не в силах выразить преодоление своей физиологичности никаким иным способом, кроме физиологического. Себя отрицающая телесность не сказуема. Она автореферентна. Проявляясь некоторым образом, она остается явлением-в-себе, не ведает пути, ведущего к метапозиции. Можно было бы назвать процесс этой автонегации бес-сознательным, если бы саморазвитие тела не формировало в конечном итоге сознания. Инцестуозность и автогенитальные интересы ребенка асексуальны, ибо они служат симптомами, указывающими на его нежелание продолжать род. Сосредоточенность эдипального ребенка на генитальной зоне не имеет никакой иной функции, кроме сигнальной, демонстрирующей, что субъект автокреативен *в о п р е к и в с е м* биологическим нормам.

Эдипальность отличается от предшествующих ей этапов взросления тем, что она скачкообразно расширяет объем отрицаемого. Убегая из рода, ребенок расстается не с какой-то одной из своих биологических составляющих, как это было раньше, - он освобождается от биокультурного дуализма, от истерически-двойной идентичности, ликвидирует свою тварность в целом, сохраняет себе только человеческую ипостась. Эдип избавляет Фивы от власти Сфинги, человекоживотного¹⁴. Снятие внутренней противоречивости дает нам, говоря формаль-

но, внешнюю непротиворечивость, обращает наше внимание на одинаковость нашего отношения с разнящимися между собой человеческими существами (допустим, с отцом и матерью, равно родителями), побуждает нас к транзитивному мироощущению. Эдипальный ребенок постсадистичен, он решает иную - более отвлеченную - проблему, чем маленький садист. Нет нужды сдвигать в духе М.Кляйн датировку эдипального поведения, произведенную Фрейдом, в раннее детство.

1.4.1. В статье "Der Untergang des Ödipuskomplexes" (1924) Фрейд определил следующий за эдипальным период детской жизни как кастрационный. Инцестуозный ребенок испытывает страх быть наказанным со стороны родителей за свою генитальную активность. Наряду с этой боязнью, на кастрационном этапе возникает также способность к сублимированию, к замещению опасно-телесного духовным. Нам кажется чрезвычайно ценным, что стадиология Фрейда предусматривает для каждого отрезка детской психической жизни возможность двойного воплощения той или иной целеустановки личности (ср. оральный/анальный садизм, позитивный/негативный Эдипов комплекс).

Неправомерно, однако, рассматривать вхождение ребенка в кастрационную фазу его жизненной динамики исключительно в семейном контексте. Подобно тому, как Эдипов комплекс образуется не только в пределах семьи, внесемейным может быть и его изживание. Оно совпадает по мере того, как ребенок, сделавшийся апалогичным всем прочим людям, вынуждается признать, что он замещаем иными индивидами так же, как он замещает их. Никто не застрахован от потери своей позиции. Развитие Эдипова комплекса упирается в идею смертности каждого человека. Отрицая свою включенность в биологическую среду, субъект автоматически приобщает себя неживой природе. Эдипальное самопорождение гибельно. Рождаясь во второй раз, мы являемся в мир мертвыми. Эдип у Софокла живет, считаясь убитым.

Чтобы быть последовательным в превозмогании отприродного, ребенок вынужден погасить генитальную деятельность, умертвить умирающий орган (попрать смерть смертию) и обратиться к духовной работе: к одухотворению собственного тела и к категоризации предметов физического мира, к отвлечению от их частных материальных свойств, к постижению эйдосов. Кастрационный комплекс позволяет ребенку идентифицировать себя как младшего, как не-родителя (в противоположность всем, не одним лишь своим, родителям), распознать свою неотенению (недостаточную телесность).

1.4.2. Запрет инцеста в обществе взрослых соответствует процессу поступательной автоорганизации детской психики, достигающей кастрационной стадии. Запрет инцеста (как и мастурбирования) препятствует психическому регрессу - возвращению взрослых к той ситуации, с которой они справились, когда они детьми преобразовали Эдипов комплекс в кастрационный.

Прослеживая переход от природы к культуре, К.Леви-Стросс отказался толковать запрет инцеста психоаналитически. Инцест табуизируется дабы сделать брак обменом - событием, сходным с коммуникацией, которая и есть самая культура¹⁵. К.Леви-Стросс не попался в Эдипову ловушку, потому что он не имел дела с психоаналитическими проблемами. В то же время К.Леви-Стросс, вслед за Фрейдом, придал запрету инцеста слишком фундаментальный смысл, возвысив это табу над всеми остальными.

Между тем табу инцеста конституирует культуру не в одиночку, но вместе со многими иными запретами, например, наряду с запретом на насильственный захват чужой собственности, который не допускает регрессивного движения индивидов по направлению к их садистскому детству. Любой созидаящий культуру запрет ставит барьер, мешающий человеку повернуть вспять тот ступенчатый процесс, по ходу которого ребенок освобождается от отприродности. Только тогда, когда этот процесс заканчивается (здесь не место обсуждать, как на деле происходит его завершение, приходящееся, по всей вероятности на поздний подростковый возраст), повзрослевший ребенок становится полноправным субститутом всего естественного мира. Начиная отсюда, субъект эквивалентен объекту, среде как таковой. Субъект, следовательно, персонифицирует идею обмена со средой, что бы она собой ни представляла. И эта идея составляет акт сознания, т.е. обратимого самоотчуждения, превращения субъектного в объектное и *vice versa*.

К.Леви-Стросс имел все основания для того, чтобы, продолжая традицию М.Мосса¹⁶, связать культуру с обменом. Но и брачный обмен, вырастающий из запрета инцеста, и даже коммуникативный обмен не были бы - подобно всем прочим парциальным обменным действиям - возможны, если бы обменом не исчерпывалось содержание сознания.

Человеку запрещается заново переживать разные периоды детства. Табуизируется избыточный генезис. Культурогенные запреты экономят энергию, пошедшую на формирования сознания. Иначе говоря, они указывают нам на то, что сознание у ж е е с т ь.

2. Автор Эдип

2.1.1. Всякий субъект, для себя единичный, противоречит себе как носителю сознания. Чтобы снять это напряжение, субъект вынужден уравнивать частное и всеобщее. Для сознания в целом частными являются фазы его становления. Психогенезис сознания делается поэтому эквивалентным одному из своих этапов (и только одному!). Иначе говоря, некая логическая операция, господствовавшая на каком-то интервале нашего психического созревания (пусть ею будет эдипальная транзитивность) оказывается сопоставимой со всеми прочими логическими возможностями, которые находятся в распоряжении сознания, и получает тем самым привилегированное положение среди них. Личность манифестирует себя лишь в рамках психотипа, характера - садистского, эдипального, кастрационного и т.д., потому что ее фиксированность на том или ином моменте общего всем нам психогенезиса не может быть только ее достоянием¹⁷.

То, на каком именно эволюционном этапе своего детства зафиксирован индивид, зависит от жизненных обстоятельств семейного или внесемейного порядка. Они травматичны для индивида не по причине их обязательной катастрофичности (хотя очень часто и бывают таковыми), но уже в силу того, что они непременно внешни относительно имманентного нам продвижения от природного к культурному, не собственны нам. Наш характер всегда выбирается не нами, и это и есть травма. Она необходима и случайна в одно и то же время. В своей конкретности она формирует сугубо личное начало внутри психотипичного, она - *principium individuationis*. В своей всеобщности, транзитивности травма - нехватка свободы волеизъявления. Опытом несвободы от окружения обладает каждый ребенок. Чем сильнее таковая на отдельном этапе взросления, тем вероятнее, что этот этап будет определять впоследствии психотип индивида. Разумеется, стадийную фиксацию могут вызывать также травматические (подавляющие свободу воли) события, которые происходят с индивидом до или после его вступления в фазу, становящуюся для его характера судьбоносной (ретроспективные и проспективные травмы). Например, подросток, переживающий насильственную смерть отца, вернется в эпоху инфантильной эдипальности; отсутствие молока у роженицы предрасположит ребенка к фиксации на садистских фантазиях и действиях, которые обретут для него значимость несколько позднее, в конце симбиоза.

2.1.2. Из только что приведенных соображений явствует, что хотя культура и запрещает повторение психогенезиса, оно отчасти соверша-

ется любой личностью, выступает как психическая универсалия. Запрет никогда не соблюдается строго всеми.

Существуют два вида нарушений табу: дегенеративный и генеративный. Выбор личностью первого или второго пути, ведущего ее к устранению запрета, следует из того, как она аргументирует утверждаемую ею эквивалентность между частным и общим.

С одной стороны, аргументом этой равнозначности может служить индивидуальное, частное. Некая стадия психогенезиса будет абсолютизирована тогда в качестве целого. Скажем, эдипальный подход к миру станет в данном случае единственной возможностью вырождающегося таким образом сознания. Транзитивность заместит собой прочие умственные процедуры. Совершить инцест или отцеубийство будет означать для личности, вступившей на этот путь, что она нашла автоидентичность.

С другой стороны, роль аргумента в процессе конституирования личности может играть и общее, т.е. самое сознание. Не эдипальность (садистичность, кастрированность и т.д.) есть всё, но всё есть эдипальность (садистичность, кастрированность). Аргументирование подобного плана требует от личности, чтобы она породила новую культуру, соответствующую ее психотипу, подыскала общекультурные субституты для психических проблем, с которыми имеет дело. Идущий от общего к частному Эдип постарается легитимировать свою склонность к отцеубийству тем, что будет рассматривать себя как участника всегдашней в социальной жизни революционной борьбы.

Удвоение психогенезиса, ломающее запреты, дает в результате и патологию, и историю. Патологичность и историческая созидательность - две стороны каждого отдельного психотипа. Патология - изнанка истории. История стадияльна: она выдает за общепсихическое то один, то другой этап в эволюции детского психизма. История - новаторское отступление сознания в прошлое. Она представляет собой победу психотипа над психотипичностью. Господство некоего характера над прочими, фундирующее диахронические системы, подавляет генеративные способности тех, кто также стремится занять командные позиции в культуре. Творческий потенциал подчиненных психотипов разряжается в сновидениях, фантазиях, ошибках, эротических инсценировках, симптоматическом (автореферентном) поведении. Материалом, который по преимуществу исследовал Фрейд как пользующийся врач, было ипозифициальное личное творчество.

В своей истории культура заново переживает свою предысторию. Историзируясь, сознание преодолевает себя так же, как природа преодолевала себя, осознаваясь. История культуры - постепенная актуализация

всех культурогенных характеров, освобождение каждого психотипа от сомнительной связи с его патологическим двойником, рекреация сознания, пересознание.

2.1.3. Эдипальной европейская культура сделалась в 1840-80-х гг, в эпоху так называемого реализма¹⁸. Эдипальная природа творчества Достоевского (его биография послужила нам примером ретроспективной эдипальной травмы¹⁹) уже была отмечена Фрейдом применительно к "Братьям Карамазовым" ("Dostojewski und die Vater-tötung" (1927-28))²⁰. Вне психоаналитической постановки проблемы мы подробно писали о том, что реализм исходил из принципа аналогии, прочерчивавшейся им между действительностью и текстом, от которого ожидалось непременно "правдоподобие", между литературным и научным дискурсами (ср. хотя бы художественную социологию "Записок из Мертвого дома" Достоевского, романов Мельникова-Печерского или чеховского "Острова Сахалина"), между отдельными жанрами художественной речи ("Стихотворения в прозе" Тургенева, нарративизированные драматические трилогии Сухова-Кобылина и А.К.Толстого), между индивидуальным и общественным (откуда учение о человеческих типах и определяющей личности среде), между противоположностями во времени (становящимися звеньями эволюции) и т.п.²¹. Здесь мы приведем несколько примеров, не столько доказывающих наш тезис об эдипальности реалистической культуры, сколько позволяющих думать о нем как о доказываемом.

2.2.1.1. Эдипализованному мировоззрению 1840-80-х гг было свойственно усматривать в осмысляемых предметах, прежде всего, общечеловеческое содержание.

Так, русская культурология второй половины XIX в. старалась стереть различие между национальным и мировым. К.Леонтьев писал о "всемирном духе" России²². Региональная культура имеет для К.Леонтьева право на существование, если она обладает антропологическим значением:

...Под словом *культура* я понимаю вовсе не какую попало цивилизацию, грамотность, индустриальную зрелость и т.п., а лишь цивилизацию *свою по источнику* [ср. эдипальное самопорождение,- И.С.], мировую по преемственности и влиянию²³ [подчеркнуто автором,- И.С.].

Н.Я.Данилевский надеялся на то, что славянство устранил в обозримом будущем односторонность прочих великих европейских цивилизаций, подчинявших себя лишь какому-то одному культурогенному началу:

...Славянский культурно-исторический тип в первый раз представит синтезис всех сторон культурной деятельности²⁴.

Достоевский придал отождествлению "своего", национального с антропологическим религиозный смысл в проповедовавшейся им идее русского "народа-богоносца" и отыскал конкретное доказательство русской "всемирной отзывчивости" в Пушкине:

Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только [...] стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите²⁵ [подчеркнуто автором,- И.С.].

2.2.1.2. В сущности, Достоевский был первым, кто психоанализировал (в самом тесном значении этого слова) личность реалистической эпохи как эдипальную. Достоевский вывел характер Некрасова в статьях, посвященных его памяти, из его особой привязанности к матери:

Это [...] было раненное в самом начале жизни сердце [ср. понятие травмы,- И.С.], и эта-то *никогда не заживавшая* рана его и была началом и источником всей страстной, страдальческой поэзии его на всю потом жизнь [...] То, как говорил он о своей матери, та сила умиления, с которою он вспоминал о ней, рождали уже и тогда [в начале писательской карьеры Некрасова и Достоевского,- И.С.] предчувствие, что если будет что-нибудь святое в его жизни [...], то [...] лишь одно это первоначальное детское впечатление детских слез, детских рыданий вместе, обнявшись, где-нибудь украдкой, чтоб не видали [...], с мученицей-матерью, с существом, столь любившим его [...] Ни одна потом привязанность в жизни его не могла бы так же, как эта, повлиять и властительно подействовать на его волю и на иные темные неудержимые влечения его духа [ср. "бессознательное" у Фрейда,- И.С.], преследовавшие его всю жизнь²⁶ [подчеркнуто автором,- И.С.].

Конфликт с отцом повлек за собой у Некрасова, в интерпретации Достоевского, демоническую страсть к самоутверждению и самосозиданию:

Миллион - вот демон Некрасова! [...] Это был демон гордости, жажды самообеспечения [...] Этот демон присосался к сердцу ребенка, очутившегося на петербургской мостовой, почти бежавшего от огня [...] Это была жажда мрачного, угрюмого, отъединенного самообеспечения, чтобы уже не зависеть ни от кого²⁷.

2.2.1.3. В анархистской философии, окончательно оформившейся во времена реализма, антропологической константой оказывается способность человека к бунту против любого авторитета, начиная с власти природы над нами (так - у Бакунина в трактате "Бог и государство"²⁸ (1871)). Эдипальное восстание ребенка против родителей преобразуется анархизмом в отрицание социальной и транссоциальной власти - государства, религии и пр. Собственность - всегда чужое достояние с точки зрения того, для кого человек не имеет иной власти, кроме как над самим собой. Бакунин вполне разделял сенсационную в свои дни мысль Прудона о том, что собственность есть кража. Эдипальная антигосударственность Кропоткина основывалась - иначе, чем у Бакунина, - на уверенности в том, что антропологическим императивом является "взаимопомощь" - противоположность взаимоподавления²⁹. Особенно невыносимой для революционеров реалистической эпохи была власть семьи над обществом. П.Г.Зайцевский заявил в прокламации "Молодая Россия":

Как очистительная жертва сложит головы весь дом Романовых³⁰.

Семья - прообраз власти и должна прекратить существование ("Крейцера соната" Толстого). Революционеру-"всечеловеку" власть ведома лишь как переходная ступень к безвластию (Марксова "диктатура пролетариата"). Камнем преткновения в споре анархистов и марксистов, похоронившем Интернационал, было толкование детской атаки на позиции родителей. В чем она результируется? В том, что дети становятся аналогичными взрослым в праве на власть (марксизм)? Или в том, что старшие делаются похожими на безвластных младших (анархизм)?

2.2.1.4. Эдипов комплекс, как мы писали, наводит ребенка - по достижении всей своей полноты - на предположение, что место любого человека открыто, дабы быть занятым другими людьми. Философски генерализованная, эта мысль обернулась в позднереалистических уметвенных построениях Вл. Соловьева верой в то, что человечеству предстоит переродиться, 'создать вселенский духовный организм' ("Общий смысл искусства"). Истинная позиция человека как такового иная, чем та, что ему дана:

...идеальное бытие требует [...] чтобы все частные элементы находили себя друг в друге и в целом, каждое полагало себя в другом и другое в себе [...] Бог - всё во всех³¹.

Разница между соловьевской философией и сравнимым с ней антропологическим эволюционизмом Ницше близка в своем основании к той, которая была констатирана в приложении к марксизму и анархизму. Человечество пытается, по Вл. Соловьеву, сравняться с тем, что имеет власть над ним, - с идеальным, высшим и т.п. "Сверхчеловек" Ницше обесправливает высшие ценности, провозглашает смерть Бога. Мыслители-реалисты готовы были даже признать ничтожность их труда в надежде, что когда-нибудь объявится синтетический человек, который сплавит воедино все их частные наблюдения и выводы; Н.К.Михайлов-⁴ ский пророчествовал в статье "В перемежку (фантазия, действительность, воспоминания, предсказания)":

Придут другие маленькие люди и расскажут так же откровенно и так же без претензий, как я, всё, что они пережили и видели. А потом придет большой человек [...], подберет все наши мелочи, сгруппирует их, осветит и такую паразитическую красоту вам предъявит, что вы ахнете³².

Эдипов комплекс проявлялся в философии второй половины XIX в. и в "позитивной", и в "негативной" версиях. Последняя определила собой утопию Н.Ф.Федорова. В непосредственно данном мире Н.Ф.Федоров видит царство "позитивной" эдипальности: сыновья здесь 'вытесняют' отцов, губят их своим рождением. Культура обязана посвятить себя 'воскрешению отцов'. Федоровская "Философия общего дела" с ее отцелюбием вменяет сыновьям материнскую функцию: именно они, а не мать, должны зачинать жизнь. Поглощенные исключительно решением (ре)генеративной задачи, сыновья становятся *volens nolens* соперниками матерей.

2.2.2.1. Распознавание эдипальной сущности реализма на материале его литературного творчества - сравнительно легкий труд для исследователей. Реалистический нарратив знакомит читателей с самыми разными формами поведения, сохраняющего в себе след инфантильной эдипальности.

Здесь следует, в первую очередь, отметить расплодившиеся во второй половине XIX в. истории о молодых людях, вмешивающихся третьими в семейные отношения. Таков, например, Бельтов в герценовском романе "Кто виноват?", разрушающий брак Круциферских. Действиям Бельтова предшествует намерение Глафиры Львовны Негровой соблазнить юного доктора Круциферского, который ухаживает за ее воспитанницей и своей будущей женой, Любонькой. Дилемма Кру-

циферского состоит, следовательно, в том, быть ли ему агенсом эдипальности (соперником мужа в отношении к Негровой) или жертвой эдипальных притязаний Бельтова. Другого выбора у человека в эдипальном мире герценовского романа нет.

Толстой, хотя и обиняком, но со всей недвусмысленностью возвел в "Анне Карениной" стремление молодого персонажа связать себя с замужней женщиной к детскому инцестуозному желанию. Анна для Вронского - заместительница его матери. Он знакомится с первой, поджидая на вокзале вторую. Анна, со своей стороны, метафоризирует у Толстого материнскую инцестуозность, покидая ради Вронского и мужа, и сына, т.е. уравнивая любовника с мужем-сыном.

К концу реалистического периода история молодого разрушителя семьи преподносится в литературных текстах как прошлое, не допускающее воссоздания. Герой агухтинского "Дневника Павлика Дольского" вспоминает, старея, о своем юношеском увлечении Еленой Павловной, которое стоило жизни ее мужу. Продолжение ветреного поведения в зрелом возрасте ввергает Павлика Дольского в тяжелую болезнь.

Реалистическая эдипальная фантазия выражала себя также в текстах о мужчинах, вступающих в брак, чтобы освободить женщин из-под семейного гнета (Допухов и Вера Павловна в романе Чернышевского "Что делать?"³³); о посредниках в матримониальных делах, влюбляющихся в героинь, которых они сватают другим (Штольц у Гончарова знакомит Обломова с Ольгой Сергеевной, дабы вывести приятеля из духовной спячки, но затем сам женится на ней); о супружеских связях неравных по возрасту партнеров (Николай Петрович и Фенечка в "Отцах и детях" Тургенева; знаменательно, что в "Скучной истории" Чехова, подведшего черту под литературой второй половины XIX в., тайная близость старого профессора и его воспитанницы платонична и завершается разлукой). Особый случай распространенного в реалистическом повествовании интереса к половой связи между старшими и младшими - мотив изнасилования малолетних у Достоевского³⁴: архепре-ступления в эдипальной перспективе (ср. сказанное выше о педерастии Лаия).

За пределами сексуальной тематики Эдипов комплекс авторов-реалистов отображался, в частности, в мотивах самовоспитания (Рахметов у Чернышевского); культурогенности, прорывающей в, казалось бы, отприродных существах (очерки и рассказы, вроде "Певцов" Тургенева; ср. еще животный эпос реалистической эпохи); приближения смерти, открывающей индивиду глаза на его неотличимость от прочих людей (тольстовская "Смерть Ивана Ильича"³⁵), и во многих других.

Какие-либо эдипальные сюжеты образуют в литературе реализма непрерывное семантическое поле, в котором один сюжет отделен от ино-

го, типологически родственного ему, минимумом признаков. Разные сюжеты внутри этого континуума более или менее непосредственно выводимы из детской эдипальности. Так, повествование о борьбе отца и сына за любовницу (вспомним хотя бы "Братьев Карамазовых") находится в самом тесном соответствии с "семейной драмой" эдипального ребенка. Сексуальное соперничество разновозрастных членов семьи может изображаться реализмом и помимо их прямого конфликта: в толстовских "Двух гусаках" Турбин-младший терпит поражение, когда пытается повторить дон-жуанские похождения отца, увиваясь за дочерью той женщины, что когда-то была возлюбленной Турбина-старшего. Сюжет разбираемого здесь типа будет еще сильнее, чем в "Двух гусаках", удален от своей инфантильной жизненной протоформы, если он подвергнется дефамилиаризации, переводу в социальный план: в драме Писемского "Горькая судьбина" любовное соревнование разворачивается между квази-отцом и квази-сыном - помещиком и его крепостным. Наконец, реализм рисует эдипальную, по генезису, конкуренцию не только как внесемейную, но и как асексуальную, например, в виде состязания не на жизнь, а на смерть между владельцем недвижимой собственности и тем, кто на нее притязает (Сафронич и Пекторалис в "Железной воле" Лескова). На этом уровне абстрагирования от детской эдипальности литература второй половины XIX в. смыкается с реалистической эволюционистской философией, делавшей внутри-видовую борьбу за выживание движущей силой прогресса (дарвинизм).

"Негативная" эдипальность отпечаталась в реалистической литературе в не меньшей степени, чем "позитивная" (о которой свидетельствовал обсуждавшийся выше художественный материал). Яркий пример "негативного" Эдипова поведения - Раскольников в "Преступлении и наказании", убивающий старуху-процентщицу, чтобы подтвердить свое право распоряжаться судьбами мира.³⁶ В "Господах Головлевых" "негативный" Эдипов комплекс локализован в семье: Иудушка Головлев не успокаивается до тех пор, пока не отнимает у матери, владевшей четырьмя тысячами душ, всю ее собственность, что интерпретируется Салтыковым-Щедриным как переход в такую реальность, где порождение более невозможно (достигнув поставленной цели, Иудушка обрекает на физическую или социальную смерть своих сыновей). И Достоевский, и Салтыков-Щедрин осуждают "негативный" Эдипов комплекс. Другие писатели-реалисты, наоборот, сетовали на нехватку "негативной" эдипальности в описываемой ими жизни (к примеру, Островский в "Грозе" рисует жалким сына, не восставшего против материнской тирании). Психически однородная, эдипальная культура аксиологически дифферен-

цирована (предположительно, в силу того, что Эдипов комплекс был по-разному индивидуализован у ее создателей).

2.2.2.2. Эдипальная сюжетика имеет неодинаковые формы в противостоящих друг другу литературных жанрах. Рассмотрим в заключение, как протекает ее спецификация в драме.

Всякий драматический текст показывает одних и тех же главных персонажей находящимися в какой-то момент действия в двух разнящихся между собой позициях. Игра - то, что изображается в пьесе, театральность является здесь как бы жизненным фактом, актерство (перемещение из роли в роль) - предметом актерского исполнения³⁷. Следуя этому жанровому правилу, реалистическая драма вводит героя сразу в две эдипальные конфигурации так, что его место в одной из них не совпадает с его местом в другой.

Ракитин из тургеневской пьесы "Месяц в деревне" влюблен в Наталью Петровну, жену его друга Ислаева (то, что эта фамилия содержит в своем звуковом составе имя отца Эдипа, скорее всего, не случайно, т.к. в тексте упоминается "Антигона" Софокла). Наталья Петровна, в свою очередь, инцестовидно увлекается юным воспитателем ее сына, Беляевым, ведущим себя в инфантильной манере. Ракитин, таким образом, и агенс, и пациент эдипальной реальности. Отметим жанровое расхождение между драматической коллизией в "Месяце в деревне" и сопоставимым с ней положением героев в романе "Кто виноват?" Круциферский не стал агенсом эдипальности, выбрав себе судьбу пациента. Ракитин у Тургенева и тот, и другой вместе. (Мы не касаемся остальных удвоенных эдипальных ситуаций "Месяца в деревне").

Если Ракитин вынужден присовокупить к активному эдипальному поведению страдательное, то крестьянин Ананий в уже упоминавшейся драме Писемского "Горькая судьбина", наоборот, защищается от эдипальных действий помещика, отнимающего у него жену, превращаясь в то же самое время в наступательную фигуру. Ананий признает сына, которого его жена прижила от барина, своим и затем убивает ребенка. Столкновение квази-отца и квази-сына происходит у Писемского дважды: оно разыгрывается вначале между помещиком и его крепостным, а позднее между главой крестьянской семьи и его приемным ребенком.

Центральный персонаж комедии Островского "На всякого мудреца довольно простоты", Глумов, - двойной эдипальный агенс, который притворяется, что обожает свою стареющую замужнюю родственницу, Мамаеву, а с другой стороны, хочет отбить богатую невесту, Машеньку, у гусара Курчаева.

Годунов в завершающей драматическую трилогию А.К.Толстого трагедии "Царь Борис" сочетает в себе эдипальную власть (обрывая царствовавшую династию, замещая ее новой; ср. позднереалистическую антропологию Фрейзера, выдвинувшего в своих исследованиях первобытного общества на передний план ритуал смены царя рабом) и безвластие (заглавный герой пьесы не может контролировать эдипальные отношения в собственной семье: его жена, вопреки его воле, велит отравить жениха их дочери, датского принца Христиана).

Лев Толстой в "Живом трупе" знакомит нас с героем, который добровольно уступает жену другому, но вынужден свидетельствовать о ее двоебрачии на суде, т.е. соучаствовать в обращении эдипальной субституции.

Протасов в "Живом трупе" инсценирует свою смерть так же, как и жуликоватый чиновник в "Смерти Тарелкина" Сухова-Кобылина. Если Протасов, которого опознают, действительно, погибает впоследствии, то Тарелкин, поменявшийся местами с умершим Копыловым, чтобы избавиться от кредиторов, разоблачается начальником по службе и затем отпускается на волю под чужим именем. Как бы ни завершалась эта сюжетная схема, она возвращает в обеих реалистических пьесах на одном из шагов изображаемого в них действия мнимому мертвецу его подлинную идентичность. Герои "Живого трупа" и "Смерти Тарелкина" – мертвые живые и второй раз рождающиеся: они подобны эдипальным детям, присваивающим себе образ старших (обреченных на умирание) с тем, чтобы во второй раз произвести себя на свет.

Трагедия об Эдипе отличается от драматики, созданной эдипальным характером, тем, что в первом случае мы имеем дело с неосведомленным героем, с бессознанием, возникающим из нехватки знания, тогда как во втором – перед нами эдипальное поведение человека, отдающего себе отчет в своих действиях. Автор Эдип желает видеть в эдипальности не просто случай, но личностную целеустановку.

Примечания

- 1 П.Блос предлагает заменить выражения "позитивный"/"негативный" Эдипов комплекс", впервые появившиеся у Фрейда в книге "Das Ich und das Es" (1923), лишенными оценочности терминами: "triadic allogender complex"/"triadic isogender complex" (Peter Blos, *Son and Father. Before and Beyond the Oedipus Complex*, New York/London 1985, 8-9).
- 2 Gilles Deleuze, Félix Guattari, *Capitalisme et schizophrénie. L'Anti-Œdipe*. Nouvelle édition augmentée, Paris 1972, 142.
- 3 Ibid., 144.

- 4 *Wege des Anti-Ödipus*, hrsg. von Janie Chasseguet-Smirgel, mit einem Nachwort von Caroline Neubaur, Frankfurt a.M. e.a. 1978, 139.
- 5 Самым непосредственным предпешественником Ж.Делеза и Ф.Гатари следует считать О.Ранка - ср.: Otto Rank, *Beyond Psychology* (1941).- Reprinted in: *The Oedipus Papers*, ed. by George H. Pollock and John Munder Ross, Madison, Connecticut 1988, 67-73.
- 6 Erich Fromm, *Symbolic Language in Myth, Fairy Tale, Ritual, and Novel.*- In: *The Forgotten Language: An Introduction to the Understanding of Dreams, Fairy Tales, and Myths*, New York 1957, 195-231.
- 7 Melanie Klein, *Die Psychoanalyse des Kindes* (1932), München/Basel 1973, 157 ff.
- 8 George Devereux, *Why Oedipus Killed Laius: A Note of the Complementary Oedipus Complex in Greek Drama.*-*International Journal of Psycho-Analysis*, 1953, vol. 34, 132-141; ср. еще: John Munder Ross, *Oedipus Revisited: Laius and the "Laius Complex".*- *The Psychoanalytic Study of the Child*, 1982, vol. 37, 167-200.
- 9 Erik H. Erikson, *On the Generational Cycle: An Adress.*- *International Journal of Psycho-Analysis*, 1980, vol. 61, 213-233. В своем стремлении приглушить эдипальный конфликт современный психоанализ проявляет особый интерес к семьям, в которых отсутствует один из родителей,- ср., например: Heiman van Dam, *Ages Four to Six: The Oedipus Complex Revisited.*- In: *The Course of Life*, vol. III. Middle and Late Childhood, ed. by Stanley I. Greenspan and George H. Pollock, Madison, Connecticut 1991, 62 ff.
- 10 *Le séminaire de Jacques Lacan.* Texte établi par Jacques-Alain Miller. Livre XI. Les quatre concepts fondamentaux de la psychoanalyse. 1964. Paris 1973, 197 ff.
- 11 Béla Grunberger, *Le narcissisme. Essais de psychoanalyse*, Paris 1971, 307 ff.
- 12 Ср. близкий этому соображению разбор трагедии Софокла: В.Н.Топоров, *О структуре "Царя Эдипа" Софокла.*- В сб.: *Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста*, Москва 1977, 257-258.
- 13 Ср. мотивы автохтонности в "Царе Эдипе": Claude Lévi-Strauss, *La structure des mythes.*- C.L.-S., *Anthropologie structurale*, Paris 1958, 237 ff.
- 14 Ср. некоторые интерпретации Эдипа, победителя чудовища: Otto Rank, *Das Inzest-Motiv in Dichtung und Sage.* Grundzüge einer Psychologie

des dichterischen Schaffens (1912), Leipzig-Wien 1926, 250 ff; Theodor Reik, Oedipus und die Sphinx.- *Imago*, 1920, Bd. 6, 95-131; В.Я.Пропп, Эдип в свете фольклора.- *Ученые записки Ленинградского Государственного Университета*. Серия филологических наук, вып. 9, Ленинград 1944 (1945), 166 и след.; Norman B. Atkins, The Oedipus Myth, Adolescence, and the Succession of Generations.- *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 1970, vol. 15, 860-875.

- 15 Claude Lévi-Strauss, *Les structures élémentaires de la Parenté* (1947), Paris, La Haye 1967, 548-570.
- 16 Marcel Mauss, *Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques* (1925).- М.М., *Sociologie et anthropologie*, Paris 1950, 145-284; ср. об обмене: И.П.Смирнов, *Бытие и творчество*, Marburg 1990, 28 ff.
- 17 Характер центрирован, как мы подчеркнули, на одном из всех тех рубежей, что отделяют пресознание от полноценного сознания. Это, однако, не исключает психической сложности личности, чья иерархическая организация нередко бывает эшелонированной, многослойной. Некий этап (Т) в выработке сознания явится тогда эквивалентом всех прочих шагов этой выработки (Т₁, Т₂, ..., Т_i) при том условии, что множество (Т₁, Т₂, ..., Т_i) будет, в свою очередь, равносильным подмножеству (Т₁) V (Т₂) V (Т_i).
- 18 Исследователи европейского реализма не единодушны в том, от какого десятилетия начинать отсчет реалистического периода: зарождение реализма приурочивается иногда к 1830-м гг (Bernard Weinberg, *French Realism: the Critical Reaction 1830-1870*, London 1937, 114 ff), иногда к 1850-м гг (Marianne Wünsch, Vom späten "Realismus" zur "Frühen Moderne": Versuch eines Modells des literarischen Strukturwandels.- In: *Modelle des literarischen Strukturwandels*, hrsg. von Michael Titzmann, Tübingen 1991, 187 ff.).
- 19 О гибели отца Достоевского см. подробно: В.С.Нечаева, *Ранний Достоевский*. 1821-1849, Москва 1979, 85 ff. Травмы, дающие эдипальный характер, варьируются в широком диапазоне. Эдипальность ребенка усиливается, в частности, в случае разительного неравенства родителей, как это было в семье Герцена, чьи отец и мать были противоположны друг другу и по возрасту, и по национальной принадлежности, и по имущественному положению. В этой ситуации ребенок особенно старательно исполняет свою роль посредника между родителями и, таким образом, безраздельно отдает себя во власть Эдипова комплекса.
- 20 Ср. разбор "Двойника" как эдипального повествования: Richard J. Rosenthal, Dostoevsky's Experiment with Projective Mechanisms and the Theft

of Identity in *The Double*. - In: *Russian Literature and Psychoanalysis*, ed. by Daniel Rancour-Laferriere, Amsterdam/Philadelphia 1989, 73-75.

- 21 И.Р.Деринг-Смирнова, И.П.Смирнов, *Очерки по исторической типологии культуры*, Salzburg 1982, 32 ff.
- 22 К.Леонтьев, *Собр. соч.*, т. 5. Восток, Россия и славянство, Москва 1912, 19.
- 23 Там же, 386.
- 24 Н.Я.Данилевский, *Россия и Европа*, изд. 5-е, СПбетербург 1894, 556.
- 25 Ф.М.Достоевский, *Полн. собр. соч. в 30-ти тт*, т. 26, Ленинград 1984, 147.
- 26 Там же, 111-112.
- 27 Там же, 122.
- 28 Michail Bakunin, *Gott und der Staat und andere Schriften*, hrsg. von Susanne Hillmann, Reinbek bei Hamburg 1969, 56 ff.
- 29 П.Кропоткин, *Этика*, Петербург-Москва 1922, *passim*.
- 30 Цит. по: Б.П.Козьмин, *Из истории революционной мысли в России*, Москва 1961, 249; ср. осмысление Прудоном анархического человека как монархиста наизнанку ("О федеративном принципе"): "Chacun alors pourrait se dire autocrate de lui-même, ce qui est l'extrême inverse de l'absolutisme monarchique" (P.-J.Proudhon, *Œuvres complètes*, t. 14, Paris 1959, 279).
- 31 "Общий смысл искусства" цит. по: В.С.Соловьев, *Сочинения в двух томах*, т. 2, Москва 1988, 395-396.
- 32 Н.К.Михайловский, *Соч.*, т.4, СПбетербург 1897, стлб. 235.
- 33 Не употребляя термина "эдипальность", И.Паперно, в сущности, сводит именно к ней жизнедеятельность Чернышевского: Irina Paperno, *Chernyshevsky and the Age of Realism. A Study in the Semiotics of Behavior*, Stanford, California 1988, *passim*.
- 34 Ср. об incestуальности сексуальных контактов взрослых с детьми: C.Lévi-Strauss, *Les structures élémentaires de la Parenté*, 12.
- 35 Ср. сопоставление "Смерти Ивана Ильича" с "Царем Эдипом" в: В.Н.Топоров, цит. соч., 257-258.

- ³⁶ С психоаналитической точки зрения чрезвычайно интересно, что мотив убийства старухи-процентщицы у Достоевского восходит к откровенно эдипальному сюжетному ходу в "Петербургских трущобах" Вс. Крестовского, который изображает попытку убийства сыном отца-ростовщика.
- ³⁷ См. также: И.П.Смирнов, *На пути к теории литературы*, Amsterdam 1987, 35-36.